

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

М. В. СЕРГИЕВСКИЙ

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В АЛЖИРЕ

1

О характере французского языка в африканских колониях Франции в научной литературе до сих пор нет сколько-нибудь обстоятельных этюдов или даже простых обзоров. А между тем вопрос этот заслуживает внимания, так как весь процесс распространения французского языка в Северной Африке проходил за последнее столетие, вернее даже за вторую его половину, т. е. на глазах у современников. Изучение этого процесса представляет уже определенный интерес для лингвиста, так как позволяет делать выводы, применимые и к эпохам более ранним, когда подобные процессы имели место: стоит только вспомнить судьбу латинского языка в провинциях Римского государства.

Как увидим далее, оба процесса имели в самом деле много общих черт, и поэтому мне казалось не лишним затронуть хотя бы в самых общих чертах эту новую и живую в то же время тему. Для начала я использовал сочинения современного нам французского писателя, родившегося и выросшего в Алжире, Робера Рандо¹, который в своих произведениях дал интересные образцы французского разговорного языка, употребительного в колонии. Можно думать, что изучение произведений других писателей, отдавших дань колониальному роману, как то: Ф. Дюшен, А. Жид и другие², — может значительно пополнить наши сведения о французском языке Алжира и других африканских колоний. Настоящий мой очерк носит лишь предварительный характер, больше имея целью поставить самую проблему изучения французского колониального языка, нежели дать ей достаточно обстоятельное освещение.

В Алжир французский язык начал проникать только во второй половине XIX в. Известно, что Франция начала свое завоевание Алжира с 1830 г., когда туда была снаряжена первая военная экспедиция под предлогом вызывающих действий алжирского бей, управлявшего страной. Но первые десятилетия после овладения Алжиром прошли для Франции в постоянной борьбе с многочисленными восстаниями воинственных берберских племен, медленно оттеснявшихся от побережья внутрь страны; в этих условиях еще нельзя было думать о систематическом и прочном заселении земель колонистами из метрополии. Только после подавления восстания кабилы в 1871—1872 гг. в Алжире устанавливается более или менее спокойная обстановка, при которой французское правительство начи-

¹ В настоящей статье использован языковой материал романа Р. Рандо «Колонисты» (R. Randau, *Les colons*). — *Ред.*

² См. Ch. Taillart, *L'Algérie dans la littérature française*, Paris, 1925.

нает планомерно эксплуатировать земли, отнятые у туземцев, путем раздачи их колонистам из Франции на даровых началах и с предоставлением первым колонистам значительных льгот. Именно в прибрежных областях Константине и Телле совершается всего активнее эта колонизация, в результате которой в 1921 г. в Алжире числилось уже около 147 тысяч натурализованных французов, при наличии еще 406 тысяч французов из метрополии, представленных отчасти в качестве поселенцев, а более в качестве чиновников, администрации и служащих торговых и промышленных предприятий. Основное население в стране в ту пору составляли по-прежнему берберы (племена кабилы, туарегов, мозабитов и шауя в количестве около 4,9 миллиона), наряду с которыми в стране были арабы (преимущественно кочевники-скотоводы) и так называемые мавры — потомки берберов и арабов, являющиеся преимущественно насельниками в городах.

Необходимо заметить, что и все берберские племена говорят ныне по-арабски (частично сохраняя и свой исконный язык), поскольку арабский язык проникал к ним вместе с исламом уже в конце VII в. и особенно начиная с XII в., при вторичном усилении арабского владычества. Таким образом, французам пришлось столкнуться здесь в первую очередь и сильнее всего с арабским языковым элементом, что не замедлило сказаться, как увидим далее, на самом характере языка французских колонистов в Алжире.

Обращаясь теперь к непосредственному обзору специфических черт языка, поскольку он представлен в упомянутом нашем источнике, необходимо прежде всего отметить, что разговорный язык населения составляет в основе своей тот самый разговорный язык французских городов, который носит в литературе наименование народного языка (*langage populaire*) и который в современной Франции отличается от литературного языка главным образом составом своей лексики, а в некоторой степени также в грамматическом отношении¹. По характеру наших источников мы лишены возможности установить какие-либо специфические черты в области произношения, свойственные алжирской французской речи. Но а priori можно предполагать их наличие там, и даже на то есть косвенные указания у самого Рандо [см. хотя бы следующие его замечания: «*Des colons... croisent Jos et échangent quelques plaisanteries. Ils ont cet accent nasal particulier aux Africains*» или «*il parle d'abondance le français énergique, mais d'une souveraine incorrection des Africains*»]. Вероятно, этот особый носовой оттенок автор хотел выразить написанием глагола *bomber* как *boûmber*, например: *au dehors boûmbaient les coups de tonnerr*².

Можно думать, что в общем французский язык в Алжире представляет своеобразный тип того регионального французского языка, который ныне распространен в большей части самой Франции на месте существовавших ранее местных диалектов, вытесненных общим разговорным языком городского населения страны, но оставивших свой след в некоторой специфической окраске речи каждой данной области³. Поскольку французские колонисты Алжира являлись выходцами из разных областей самой Франции, трудно и даже невозможно говорить о преобладании какого-либо одного из типов областной французской речи в языке колонистов, но не-

¹ См. Н. В а u с h e, *Le langage populaire*, 2-me éd., Paris, 1928, а также краткий очерк в моей книге «История французского языка» (М., 1938).

² Ср. еще написание: *pluss, alorssquoi, en errière; Le combass vous avez! Qué qu'v'ous voulez* и т. п.

³ Здесь автор делает ссылку на свою статью «Областная французская речь», написанную в том же году, что и настоящая статья, для неопубликованного сборника памяти Д. Н. Ушакова. — *Ред.*

которые элементы языка последних указывают на значительную примесь среди них населения Южной Франции, принесшего с собой провансальский языковой элемент в колонию, о чем будет речь в своем месте.

Возникает еще один вопрос, на который мы должны ответить, прежде чем перейти к изложению наблюдаемых фактов. Я имею в виду вопрос, насколько можно доверять романистам как источнику наших сведений об алжирском французском языке. В этом отношении романы Рандо могут быть использованы как вполне достоверный источник, так как писатель сам принадлежал к числу французских уроженцев Алжира, хотя и получивших высшее образование во Франции, но оставшихся верными патриотами родной колонии. Он выступил как писатель еще в начале XX в. (совместно со своим лицейским другом Садиа Леви из Орана) с романом «Rabbin» из еврейских нравов, натурализм которого вызвал резкие упреки в антисемитизме. Годы высшего образования (факультет права и École coloniale) прошли под влиянием Гюисманса, затем Рандо отправился в качестве *administrateur adjoint* в департамент Константины и там начал в своих произведениях **р а з в и в а т ь** идеи алжирского национализма (*algérianisme*, по его собственному выражению), нашедшие свое выражение в романе «Les algérianistes». Еще ранее, в 1900—1904 гг., он усиленно сотрудничал в журнале «La grande France» (вместе с Рони, К. Лемонье), где особое внимание уделялось развитию колониальной литературы. Ряд его романов одушевлен идеей «*de l'expansion virile de l'Algérie sur toute Afrique du nord*» (по словам М. А. Леблон в предисловии к роману «Les colons») или вообще посвящен описанию страны, например «Cassarde le Berbère», «Le chef des Porte-plume», «Les explorateurs», «Le commandant et les Foulbé» и др.

Характеризуя героев и вообще персонажей своих произведений, писатель старается возможно вернее передать их язык и, можно сказать, нарочито стремится передать его таким, каким он есть, не подменяя его общепринятой литературной формой в тех случаях, когда последняя звучала бы неестественно в устах говорящих. Последние как представители французской национальности в тех случаях, когда они принадлежат к интеллигенции, пользуются, где нужно, конечно, чисто литературной речью, но в более непринужденном разговоре переходят на разговорную речь, а при случае щеголяют типичными местными словами, вовсе не понятными во Франции, но вполне уместными в устах алжирского французского населения. Приведем для примера такую фразу из разговора чиновной молодежи по поводу одного из персонажей романа «Les colons», играющего в нем важную роль, — богатого колониста Жоса Лавьё: «*un jour les marabouts prêchèrent la révolte dans le Sahel et proclamèrent sultan un pouilleux; celui-ci s'empressa de toper avec Jos, de baiser son index et de prendre le vieux pour khalifa; et le paillard endossa le burnous, coiffa la chéchia...; les insurgés le baptisèrent Kaddour, depuis on ne l'appelle qu'ainsi.*»

В других случаях непринужденный разговор ведется в чисто разговорном стиле. Так, например, показана речь молодой девушки, прошедшей обычную среднюю школу, в разговоре со старшим братом, где на каждом шагу встречаются такие выражения: «*Je veux qu'on s'aime et qu'on soit riches*», «*Irangin, ne te gêne pas! Tu peux y sucer la pomme à ta Lena*», «*t'as beau carotter l'idiot*», «*Allons, bourrique, ôte-moi mes bottes*», «*Tu te fais bourriquer par un gavatche*».

Иначе звучит опять-таки французская речь в устах арабов из местного населения; ср., например, обращенную к тому же Жосу Лавьё речь его друга араба: «*On affirme qu'an foud du coeur tu n'es plus roumi, car un marabout, un ouali suscité par Dieu t'élut entre mille pour être son khalifa*».

Таким образом, писатель, действительно, довольно точно воспроизводит живую речь своих действующих лиц как истинный натуралист, и потому его произведения могут служить более или менее надежным источником, откуда можно черпать материал о языке французского населения в Алжире.

2

В чем же заключаются специфические черты этого языка? Поставив этот вопрос, я подчеркиваю, что имею в виду разговорный язык французских колонистов, наряду с которым в Алжире существует в употреблении и общий литературный национальный язык, применяемый всеми более или менее интеллигентными людьми, когда это необходимо; он же, конечно, используется на письме, в прессе и т. д. Возможно, что и в нем можно встретить некоторые элементы лексического порядка, относящиеся к явлениям местной жизни, но они не составляют слишком заметного отличия и являются своего рода характеристикой местного колорита. Что же касается разговорного языка, то, как уже говорилось, в основе его лежит общеразговорный язык городов Франции (*langage populaire*) со свойственными последнему характерными отличиями от литературного языка, но вместе с тем встречаются в изобилии некоторые специфические черты, которые уже не встречаются во Франции. Основная лексика разговорной алжирской французской речи та же, которую мы знаем из словарей французского «народного языка». Достаточно привести такие слова, как встречающиеся на каждом шагу: *se balader* «прогуливаться», *se biler* «беспокоиться», *bibine* «плохой напиток», *champoreau* «кофе с ликером», *dare-dare* «быстро», *degueulasse* «отвратительный», *flapi* «усталый», *frangin* «братец», *floppée* «множество», *fringale* «голод», *hancher* «вилять бедрами», *gobier* «любить», *pedzouille* «мужлан», *peloter* «ласкать», *ratichon* «поп», *salopard* «негодяй», *sucer la pomme* «целовать», *zyeuter* «глядеть» и т. д. Таких иллюстраций можно привести чрезвычайно много, и в этом отношении язык персонажей романов представляет отличный материал для составителей лексикона народной речи.

Но в этом лексиконе мы находим у Рандо и такие особенные элементы, которые не встретятся во Франции, и они-то составляют специфику языка собственно алжирского населения и потому привлекают к себе особое внимание. Среди подобных элементов можно отметить и чисто французские слова и выражения, вроде *tronc de figuier*, которое сам автор поясняет в примечании: «indigène en patois algérien», затем провансальские, как, например, *ascouter* = *écouter* из прованс. *escoutar*, или *pitchoun* «малый» из прованс. *pitchoun*, наконец, испанские. Последних уже достаточно много, как, например: *anizado* «водка», *cacaouette* «земляной орех» (исп. *caca-huete*), *criada* «служанка» (исп. *criada*), *tchiquète* «девушка» (из исп. *chica*), *tchicote* «хлыст» (исп. *chicote*), *tchoulo* «апах» (исп. *chulo*), *douro* «пиастр» (исп. *duro*), *escarminter* «научить» (исп. *escarmentar*), *garbanzo* «тырецкий орех» (исп. *garbanzo*), *gavatche* (исп. *gabacho*, презрит. «французиска»), *meneo* (например, *ce truc-là, en espagnole, s'appelle le meneo*; исп. *meneo* «поворот», разг. «трепка»), *moukère* «женщина» (исп. *mujer*), *niñia* «девушка» (исп. *niña*), *novio* «жених» (исп. *novio*), *patio* «внутренний двор» (исп. *patio*), *poutchero* «похлебка» (исп. *puchero*), *rabia* «ярость» (исп. *rabia*) и т. п. Некоторые слова представляют собой какую-то смесь испанского с провансальским, как приведенное выше *ascouter* при прованс. *escoutar* и исп. *ascouchar* или *mariniero* «моряк» при прованс. *marinié* и исп. *marinero*.

Но самым характерным элементом французской разговорной речи в Алжире является, конечно, арабский элемент, представленный в большом

изобилии. В журнале «French review» за 1938 год (t. XII, № 2) была напечатана заметка В. Л. Шварца (W. L. Schwartz, A glossary of Franco-arabic words), в которой автор приводит список 38 слов арабского происхождения, зарегистрированных как употребительные во французском языке в Алжире в словаре «Petit Larousse» (PL). К этому списку В. Л. Шварц добавляет еще 40 слов, извлеченных им из шеститомного «Larousse du XX-me siècle» (LXX). Среди этих 78 слов¹, зарегистрированных в современной французской лексикографии, некоторые настолько уже нашли себе распространение в разговорной французской речи, что занесены в словарь народной речи, данной в упомянутой выше книге Боша «Le langage populaire». Многие из них встречаются и в романах Рандо, у которого, однако, находим и слова, не отмеченные пока что ни в каких известных нам лексиконах. Я позволю себе привести сперва весь материал, данный в заметке Шварца, сопровождая его указаниями на другие источники:

aman (PL) (араб. *'amān* «безопасность, защита»);
barca (L XX); Г. Бош—междометие (воен., разг.) в смысле «il n'y a rien à faire»;

barda m. (L XX); Г. Бош: воен. в значении «ноша, вьюк, багаж». Слово приводится и во «Французско-русском словаре» К. А. Ганшиной (изд. 1939 г.) как арготизм со значением «скарб, барахло, хлам» и как термин военного жаргона «шинель, снаряжение солдата», но без указания на алжирскую сферу его употребления;

bézeŷ — наречие (L XX); Г. Бош: *beseŷ* — наречие, означающее «beau-coup»; часто у Р. Рандо;

bled m. (L XX). В словаре К. А. Ганшиной дано в значении «пустырь, открытое поле» и в выражении *le bled Maroccaïn* «внутренние области Марокко». В последнем значении часто у Р. Рандо (<араб. *bilād* «страна»);

bordj m. (L XX) в значении «дом, жилище префекта»; часто у Р. Рандо;
barnous (PL). В словаре К. А. Ганшиной «бурнус (плащ)»; часто у Р. Рандо;

cadī (PL)—известное арабское слово *qādi* «судья»;
caïd (PL)—в словаре К. А. Ганшиной «каид, губернатор [в колониях]»; часто у Р. Рандо; араб. *qā'id* «вождь, начальник»;

casbah f. (PL). Г. Бош приводит это слово в значении «maison, logis»; у него же дается слово *kasbah* — воен., разг. «maison»; у К. А. Ганшиной дано: «1) крепость (в Марокко); 2) фам. „дом, жилище“ [араб. *qasba(h)* „тростник, трость“]»;

chaouch m. (L XX) в значении «сторож, служитель»; также у Р. Рандо (араб. *šawīš*, тур. *çavuş*);

chechia f. (PL); встречается у Рандо в значении «прическа» (например, *coiffer la chechia*);

cheik(h) (PL); в словаре К. А. Ганшиной «шейх», также у Р. Рандо (араб. *šaik* «старик, старейшина»);

cherif (PL) — араб. *šerif* «знатный → чиновник»;
chott (PL) — араб. *šott* «пересыхающее озеро в Сев. Африке»;
couscous m. (PL) — араб. *qusqus* «род сладкого кушанья»; ср. у Р. Рандо *la corde à sécher le couscous или couscous à la viande*;

djaouak m. (L XX) «арабская флейта»;

djaoui m. (L XX) «самум»;

djebel m. (PL) «гора»;

djebira m. (L XX) «мешок» (f. у Р. Рандо, например *il... tire d'une djebira brodée des plis qu'il remet à l'adjoint*);

djellaba f. (L XX) «плащ с капюшоном и широкими рукавами»;

¹ На самом деле их несколько меньше, так как некоторые даются в разных написаниях и отдельно же считаются производные.

- djema* f. (L XX) «сельский совет»; у Рандо, например, *kebir de djema* (араб. *ġama'a* → *ġema'a* «толпа, общество»);
djich m. (L XX) и отсюда *djicheur* m. (L XX) «пират»;
djerid (PL) — араб. *ġarid* «пальмовая ветвь без листьев»;
douar m. (PL); у К. А. Ганшиной «дуар ~ кочевой поселок бедуинов»;
 тоже у Рандо (араб. *douwwār*, народн. *duwār* «загон, ограда»);
erg (pl. *areg*) (L XX) «дюна, песчаный холм»;
foggara m. (L XX) «оросительный канал»;
fondik m. (L XX) или *fondouk* (там же) «арабская гостиница»;
gandoura (PL);
gout m. (PL) и *goutier* (там же); у Ганшиной: «1) семья, род (у арабов);
 2) воен. отряд туземцев в Алжире под командой французского офицера»;
hadji (PL) «человек, побывавший в Мекке»;
haik m. (L XX) «материя для женских платьев»; у Р. Рандо, например, *une femme enveloppée de riches haiks* (араб. *hiġka* «ткань»);
hanman или *hamman* (PL);
harka (L XX) «атака, набег»;
iman или *imat* (PL) «имам»;
k(h)an (PL); у Ганшиной: «1) хан; 2) караван-сарай» (араб. *hān* с теми же значениями);
kebir (PL); у Рандо, например, *kebir de djema* (араб. *kaḥīr* «старший», «глава»);
(kief) или *kif(f)* (L XX, PL), *kif-kif* — наречие; Г. Бош: *kif-kif* — прилаг. со значением «pareil, semblable», наречие со значением «de même, comme»; у Ганшиной: *kif-kif* вульг. «то же самое»; у Р. Рандо с тем же значением (араб. *kif* «как»);
ksar m., pl. *ksoar* (PL); у Ганшиной: «араб. 1) селение, город; 2) укрепление (в оазисе)»; (араб. *qasr*, народн. сев.-афр. *qsar* «замок»);
taboul — прилаг. (PL); Г. Бош приводит это слово со значением «fou»; у Ганшиной: вульг. «свихнувшийся, не в своем уме»; у Р. Рандо, например, *j'étais taboul ou tout comm*;
macache — междометие (L XX); Г. Бош: «non», «rien»: *c'est macache* «il n'y a rien à faire»;
marabout m. (PL), часто у Р. Рандо, у которого и производное *maraboutiser* (араб. *murābit* «воинствующие полумонашеские группы в Сев. Африке; марабуты»);
mastaba (PL) «каменная скамья перед домом»;
medersa f. (PL) «мусульманская школа, медресе»;
mehalla f. (L XX) «колонна войск»;
mektoub — междометие (L XX) «так написано»;
mellah f. (L XX); у Ганшиной: «еврейский квартал в Марокко»;
mouchir m. (L XX) «брат правителя»;
mollah (PL); у Ганшиной: «мулла»;
moucharaby (PL); у Ганшиной: «деревянная решетка в окнах (на востоке)»;
moukèrè f. (L XX) (из испанского через арабский); у Ганшиной: арго «женщина»;
muez(z)in (PL); у Ганшиной: «муэдзин»;
nouba f. (L XX); Г. Бош: «fête, bombance»; у Р. Рандо, например, *alors, c'est la nouba* (араб. *nūba* «несчастье»);
oued (PL); у Ганшиной: «речка, ручей (в Африке)»; часто у Р. Рандо (араб. *wādī*, сев.-афр. *wed* «воды»);
ouled, pl. *aouled* (L XX) «сын, мальчик»; у Р. Рандо *ouled* m. и *yaouled* [араб. *walad*, pl. *awlād*, сев.-афр. *ul'ed* «мальчик»; *yaouled* (*aouled*) — звательная форма];

- Ouled-Nail* m. (L XX) «алжирское племя»; «проститутка из этого племени»;
- razzia* (PL); у Ганшиной: «набег»; часто у Рандо;
- reg* m. (L XX) «песчаная насыпь»;
- rezzou* m. (L XX) «банда»; есть у Рандо;
- roumi* (PL) (араб. *rūmī* «православный, византийский»);
- seghia, seguia* f. (L XX) «оросительный канал»;
- sidi* (PL) (народно-араб. *sīdī*, класс. араб. *saʿīdī* «мой господин»);
- simoun* (PL); у Ганшиной: «самум»;
- smala(h)* f. (PL); Г. Бош: в значении «famille»; у Ганшиной: «1) семья и свита арабского князька; 2) фам. „многочисленная семья“»; часто у Рандо;
- soufi* m. (LXX) «мусульманский мудрец»;
- souk* (PL) (араб. *sūg* «базар»);
- toubib* m. (L XX); Г. Бош: воен. в значении «médecin»; у Ганшиной: «воен. врач, хирург»; у Рандо часто в форме *tebib* (араб. *tabīb* «врач»);
- tartouche* m. (PL); у Ганшиной: «феска» (араб. *tarbuš*);
- ouléma* или *uléma* (PL); (араб. *ulemā* «улема, знаток корана и шариата»);
- youdi* m. (L XX) «еврей»;
- zaouia* f. (L XX); у Ганшиной: «поселок, становище (в Африке)»; встречается у Рандо, например: *chef de zaouia* [араб. *zaʿīja*: 1) «угол», 2) «монастырь (в Сев. Африке)»].
- Но, кроме приведенных слов, у Рандо встречается и целый ряд других, значение которых не всегда легко определить. Следующие слова являются безусловно арабскими¹:
- alfa* m. «альфа, особая трава, растущая в полупустынных местах Алжира» (араб. *alaf* «фураж, сено»);
- bakchich* m. «бакшиш, чаевые» (араб.-персид. *baxšēš* «подарок»);
- bessif* — наречие, например *bessif faut que tu ailles à confesse vec lui* (<вульг. араб. *b'esif* «к сожалению»);
- caroubier* «рождковое дерево» (др.-евр. *harūb*);
- chbabe*, например *la France est une garce chbabe* (араб. *šabāb* «юность», *šābb* «юноша, джигит, молодец»);
- chekaia* f. (например, *les surprises de la~*) <араб. *šikāja* «жалоба, обвинение»;
- chichma* «туалетная, уборная» <народн. араб. *šišma*;
- diouan* m. «канцелярия, департамент» <араб. *diwan*;
- diss* m. «род травы»;
- djenout* m. (например, *il redouta les djenouts aux yeux de feu*) <араб. *ǧinn* (народн. *ǧēnūn* «безумие»);
- djinn* m. «джинн (демон)»;
- djaroutyua* m. «грамматика» (от имени автора Уджрумия, ставшего нарицательным);
- fellah* m. «пахарь, крестьянин»; ср. у Ганшиной: «феллах (крестьянин в Египте)»;
- floss* m. (например, *elle possè de assez de floss pour être indépendante*) <араб. *fuls* «деньги»;
- gourbi* m. «шалаш, землянка (у арабов)» (Ганшина); воен. *cabane, maison, refuge* (Г. Бош);
- hakem* m. <араб. *hākīm* «правитель»;
- haram* (например, *s'abstenir de viande haram* <араб. *harām* «запрещенное исламом», ср. еще *n'est pas haram*);

¹ Арабские этимологии этих слов, как и ранее указанные, были мне любезно сообщены проф. В. М. Гранде.

- kahoua* m. <араб. *qahwa* «кофе»; Г. Бош: *caoua* m. воен., разг.;
kamous «словарь» <араб. *qāmūs*;
kebad «шашлык» <(персид. >араб.);
kesra m. <араб. *kisra(h)* «кусок» (например, *Ahmed cheik préside au repas, désigne du doigt les meilleurs morceaux à ses convives, leur distribue des crêpes et des kesra*);
kiddar m. означает «cheval de rebut en patois arabe» (примеч. автора к фразе «moi, je grimpe sur mon kiddar»);
khalifa m. «господин» (например, в обращении *M-r le khalifa*) <араб. *halīfa* «халиф»;
khammes m. <араб. *hammās* «работающий за $\frac{1}{5}$ урожая или арендатор за $\frac{1}{5}$ часть»;
kharchef m. <араб. *huršūf* «артишок»;
khodja m. «господин, начальник» (например, *ils insistent devant le~*) <араб. (<перс.) «господин»;
koura f. <араб. *kūra* «мяч, шар»;
loubia f. «сорт бобов, любия»;
mechooi m. <араб. *mašwiḥ* «жареный» (например, *un mechooi d'agneau*);
melk m. <араб. *mulk* «имение» (например, *le melk que tu m'achetais*);
mokaddem m. <араб. «предводитель, начальник»;
nif m. <араб. *naiiif* «излишек», например, *je suis pauvre, mais j'ai du nif; une famille qui a du nif*;
ouahad «один, первый» <араб. *wāhid* (например, о вине: *numéro ouahad*);
ramadan m. «рамазан (пост у мусульман)» (Ганшина);
seroual m. <араб. *sirwāl* «шаровары» (например, *la boue embrenne ses mestr (sic!) de filali, crotte sur le seroual, macule jusqu'à sa courte veste brodée*).
- Помимо этого, в романе Рандо встречается ряд слов, возможно, берберского происхождения, которые большей частью отсутствуют в современных словарях. Приведем для примера такие:
- arch*, например *acquérir les terres arch*;
berboucha f «род кушанья» (*berboucha de blé dur*);
bicot (например, *il parle bicot mieux que nous le français*); Г. Бош дает это слово со значением «Arabe»;
cahouète — бранный термин, например, *ce cahouète et sa smala; assez cahouète*;
kelb m. — аргос «собака» (Ганшина) (например, *il a du culot, ce ben kelbl или cet homme, furieux, l'appela ~ et djifa, épithètes excessives, j'en conviens, même, pour un tel polisson*);
khol m. «карандаш для бровей» (Ганшина);
koubba f. «construction à coupole» (примеч. Рандо);
filali «сорт кожи» (например, *les bottes de filali gaufrées d'or* или *ses mestr de filali*);
guelbite «победа» (например, *j'ai bezzeff eu la guelbite*);
makhzen m. (например, *il est à couteaux tirés avec le makhzen, mal avec le préfet*);
mekhrazeni m. (например, *accroupi sur le sol, le mekhrazeni tette un peau de bouc de lait aigre*);
moana f.;
moula-er-raba m. (например, *il était le moula-er-raba, le maître du maqués*);
nefra f. (например, *instigateur d'une nefra après laquelle on ramasse sur le marché d'El Had cinq cadavres*);

r'aba f. (la *r'aba s'assombrit* или *il n'y a pas d'herbe dans la r'aba*; la *sécheresse la brûla*);

r'haib m. «род кушанья»;

raita (например, *la musique allegre des~*);

setla f. (например, *ils buvaient d'amples setlas de lait aigre*);

slougui m. (например, *il lança sur le fauve ses meilleurs slouguis*);

cof (например, *notre cof n'était pas au pouvoir* или *D. m'a mouchardé et cambriola mes secrets au prolit d'un cof*).

Или еще в описании автора: «Et déjà on leur apporte, ensemble des outres de leben, le taâm, dans des quessaâ en bois de frêne; on leur présente couscouss à la viande, ragoûts, brochettes de kobda..., chaque chef de gamelle arrose de merga au piment la chechia de semoule qui fleure à point le beurre rance, ce régal de chaïx».

Этим отнюдь не исчерпывается весь запас арабских слов в романе Рандо, и я не задавался целью привести здесь их все до единого. Для меня достаточно сделанного, чтобы показать своеобразие французского языка в Алжире. В отдельных местах обилие подобных слов делает просто мало понятной речь говорящих; ср. такую, например, фразу в устах одного из персонажей романа: «j'y coupe les klaoui et j'y fais bouffer vec la merga et le khroubiza chez le gargottier mzabite, en devant la place du Mauché». Но все же весьма поучительно то, что целый ряд подобных слов из Алжира проник в разговорный язык парижан, как о том свидетельствует их наличие в словаре Боша и других источниках.

3

Помимо этих своеобразных особенностей алжирской французской речи, внимание исследователя останавливается невольно на морфологической характеристике подобных, вновь входящих в оборот языка необычных элементов чужой речи. Прежде всего отметим, что в отношении распределения слов по частям речи основное большинство приходится на имена существительные, как это легко видеть из приведенных материалов. Совершенно нет глаголов, и можно отметить только единственный встретившийся производный глагол *maraboutiser* (например, *Nul ne maraboutise mieux que moi un différend!*), образованный из соответствующего существительного при помощи французского глагольного суффикса по типу *anecdotaliser*, *poétiser* и т. п. Очень мало прилагательных, но больше наречий, таких, как *bessif*, *bezzeff*, *barca*, *kif-kif*, *macache* и т. п. В отношении существительных особенно интересно проследить причины отнесения их к тому или иному грамматическому роду. Внешний звуковой тип слов при этом явно не является решающим, как показывают примеры; ср. *barda m.* «багаж» и *casba f.* «дом, жилье», *alfa m.* «альфа» и *koura f.* «мяч», *gourbi m.* «шалаш», *khodja m.* «господин» и *djemâa f.* «сельская община», *medersa f.* «мусульманская школа» и т. д. Характерно, что совершенно нет слов с окончанием женского рода *-e*, кроме *moukèrè* «женщина», которое является испанизмом, получившим уже новое окончание. Слова на согласный звук обычно мужского рода; ср. *bled m.* «открытое поле», *bordj m.* «крепость, резиденция», *burnous m.* «бурнус», *chaouch m.* «страж», *couscouss m.* «пирожное», *douar m.* «кочевье», *gout m.* «отряд», *ksar m.* «селение», *oued m.* «речка», *ouled m.* «мальчик», *sitoun m.* «самум», *toubib m.* «врач», *khammès m.* «арендатор», *hakem m.* «правитель», *melk m.* «именье, владенье», *nif m.* «излишек» и т. д.

Очевидно, что в вопросе о роде решающим моментом для современного француза является семантический, поскольку при однородном звуковом оформлении вновь входящие в язык слова выступают то как мужские,

то как женские по своему роду. Можно думать, что такое слово, как *casba(h)*, воспринятое со значением «жилище», уподобляется в роде такому слову, как *maison* или *cabane*; соответственно этому *koura* воспринимается в женском роде по аналогии с *la balle*, *mederza* по аналогии с *l'école*, *djemâa*—*la commune* и т. д. Напротив, для восприятия в мужском роде таких слов, как *khodja*, *cadi*, *barda*, *sidi*, *soufi* и т. п., решающим моментом являлись их значения, аналогичные французским *monsieur*, *juge*, *savant*, *paquet* и т. д.¹ Все это доказывает достаточную живость категории грамматического рода в современном разговорном языке Франции. И едва ли можно согласиться с мнением Фрей, что «le genre semble surtout dicté par la nature de la terminaison» и что «les changements de genre, si fréquents dans le langage populaire, ne sont guère dus à l'action de la signification»². Приводя высказывания Реми-де-Гурмона о том, что слова с окончанием на краткую гласную (*l'auto*, *dynamo*, *paroi* и под.) имеют тенденцию восприниматься в мужском роде, Фрей отмечает, что слова с исходом на долгий гласный звук, наоборот, воспринимаются как слова женского рода (*une hymenée*, *incendie*, *trophée* и т. п.). Наш материал не подтверждает этого наблюдения и скорее говорит за семантические основания при отнесении слова к тому или иному роду.

Существенным вопросом является также сама степень усвоения чужезычных элементов в языке французских колоний. Этот вопрос решать довольно трудно, но такие факты, как наличие слов в разговорном языке Парижа (поскольку они нашли свое место в словаре Боша), с одной стороны, а затем обрращение их производными, с другой, могут свидетельствовать о прочности усвоения и широте распространения. Слов последнего ряда очень немного: кроме *marabout* с производным *maraboutiser* мы находим еще *gout* и *goutier*, *caroube* и *caroubier*, *djich* и *djicheur* и только. Но употребительность многих слов — и в особенности в специфических фразеологических выражениях — не подлежит сомнению. Такие слова, как *kif-kif*, *bezef*, *taboul*, *macache*, *faire la nouba*, *smala*, *toubib*, безусловно вошли в обиход разговорной французской речи и уже не осознаются говорящими как иностранные экзотические слова, вроде *bled*, *oued*, *ouled*, *cadi*, *caïd* или *djemaa*, *gourbi*, *ksar* и им подобные.

Таким образом, мы можем сделать общее заключение, что французский язык в Алжире содержит в себе специфические иноязычные элементы как арабские, так и берберские и испанские, которые позволяют его рассматривать как своего рода областной (региональный) язык, существенно отличный от аналогичных типов областной речи в самой Франции. Его основу составляет общий разговорный язык Франции (*langage populaire*), который приобретает там особую окраску — и в произношении, и особенно в части словаря. Но этот областной алжирский язык в свою очередь оказывает кое-какое воздействие на разговорную речь самой Франции. Через чиновников колоний, особенно же через офицеров и солдат, направляемых на службу в Северную Африку из метрополии, многие слова алжирской речи попадают в живой язык самой Франции, где сперва воспринимаются как экзотизмы, а потом становятся уже органической частью народной речи.

Г. Ламенс в своей работе «*Remarques sur les mots français dérivés de l'arabe*» (Beyrouth, 1890)³ насчитывал свыше 420 слов арабского проис-

¹ Ср. по этому вопросу А. Sjögren, *Le genre des mots d'emprunt norrois en Normandie*, «*Romania*», t. LIV, 1928, стр. 381—412.

² Н. Frei, *La grammaire des fautes*, Paris, 1928, стр. 50, 51.

³ Эта работа непосредственно мне не была доступна, но она полностью использована у Гамиллшега (E. Gamillscheg, *Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache*, Heidelberg, 1926—1929), откуда я черпаю соответствующие данные.

хождения, наличных во французском языке. Среди этих слов только около 20 принадлежат к числу тех, которые отмечены как заимствования XIX в. и которые приводятся в настоящей статье, а именно — *aman* «прощение», *aeja* (известное еще в ст.-франц. в виде *aufe*), *burnous*, *caroub* (еще в ст.-франц. *carouge* из галло-роман. *carroubium*), *caïd*, *chott*, *diss*, *djinn*, *fellah*, *gout*, *gourbi*, *goule* «упырь», *razzia* (с производным *razzier*), *simoun*. Как наиболее ранние отмечены *iman* (XVI в.), *couscous* (XVI в.), *maraboat* (с XVII в. через португ. *marabutol*), *cheik* (с XIII—XIV вв., вновь XVIII в.), *douar* (с XVII в.). Отсюда ясно, что процесс усвоения арабизмов во французском алжирском областном языке последние десятилетия шел довольно быстрыми темпами. Отсюда ясна важность детального исследования этого языка, которое, естественно, не могло быть проведено в рамках настоящей статьи; цель ее — привлечь внимание к этой вовсе еще не затронутой в науке теме.

17 августа 1945 г.